

А.М. Фурсенко

Новосибирский государственный университет

**Концепция общества и поэтика фрагментарности
в романе И.-В. Гете «Годы странствий»
Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся»**

Аннотация: Задачей настоящей статьи является исследование новаторских принципов диалектического описания общества в романе Гёте в русле поэтики фрагментарности.

The paper investigates the innovatory principles of dialectical description of society in Goethe's novel in the channel of fragmentary poetics.

Ключевые слова: И.-В.Гёте, общество, фрагмент, феномен, описание, диалектика.

Goethe, society, fragment, phenomenon, description, dialectics.

УДК: 821.112.2

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, гуманитарный факультет. Тел. (383) 3300862. E-mail: annafur@ngs.ru.

Задачей настоящей статьи является исследование феномена описания в русле поэтики фрагментарности¹. Основы названной поэтики формируются в эпоху Просвещения и романтизма. В качестве самой простой единицы описания выступает литературный фрагмент как информативно значимое высказывание. Отдельные фрагменты объединяются в структурную модель по закону диалектической триады. Впервые подобный принцип аналитического описания в художественном произведении был разработан и теоретически обоснован в трудах веймарских классиков – И.-В. Гете и Ф. Шиллера. Наиболее адекватным воплощением теоретического и художественного аспекта нам представляется роман И.-В. Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера».

В нашей статье на конкретном материале концепции общества в романе И.-В. Гете мы подробно анализируем механизм функционирования структурной модели феномена описания как способа синтетического познания действительности методом диалектической триады.

Уже в самом заглавии романа И.-В. Гете указывает на проблему соотношения общества с коммуникацией, особого рода «сообщительность». Заглавие романа представляет собою информативно значимое высказывание. Мы можем догадаться, что главный герой романа одновременно и объединен с «отрекающимися» – членами так называемого общества Башни – и противостоит им. Таким образом, Гете первоначально обозначает проблему общества как социологическую: предпринимает попытку сопоставить судьбу одного и многих. Однако данное сопоставление указывает не на идентичность / неидентичность Вильгельма Мейсте-

© А.М. Фурсенко, 2012

¹ Выражение «поэтика фрагментарности» используется нами как научный термин. В литературе и литературоведении нового времени его научное содержание, на наш взгляд, связано изначально с эстетическими идеями Просвещения.

ра и других отрекающихся, а лишь актуализирует вопрос об их отношениях внутри общества, задает параметры структурности. Ведь «везде, где люди объединяются в общество, тотчас же возникает свой порядок и свой обычай, без которого им вместе не прожить» [Гете, 1979, с. 274]. В правилах, законах общества Башни, которые в романе формулируются чрезвычайно абстрактно: «выработать для себя понятие всемирного благочестия», «распространить на всю практическую сферу наши истинно человеческие воззрения», «объять все человечество» [Гете, 1979, с. 213], уже присутствует оттенок утопизма. А.А. Аникст, создавший комментарий к роману Гете, прежде всего обращает внимание на характер «широкой социальной утопии» [Там же, с. 429]. Однако до сих пор в исследовательской литературе не рассматривался вопрос ни о факте критики самим автором романа модели идеального общества Башни, ни о путях и способах этой критики.

Литературоведческая наука обходит молчанием особый подход Гете к художественному исследованию проблемы на созданной им самой модели. Вопрос о синтетическом познании и диалектических путях его реализации в данной работе рассматривается впервые.

Обобщенное, абстрактное представление об обществе отрекающихся для Гете важно и значимо как в позитивном, так и в негативном смысле. Позитивной для его размышлений является идея общества как предсуществования отдельного индивида в пределах некоего вечно возрождающего и обновляющегося единства. Понятие «идеального общества», по мысли Гете, соответствует идее «разумного мира», который «следует рассматривать как огромный бессмертный индивидуум: непрестанно действуя ради необходимого, он подчиняет себе также и случайное» [Там же, с. 247].

При этом писатель осознает, что его проект общества как некоего первоначала для человечества в целом сродни просветительским идеям XVIII века. В настоящее время, в XIX веке, утверждает Гете, уже невозможно «думать о сообразном природе и искусству совершенствовании» [Там же, с. 415], слишком широкое распространение получили обобщенно-абстрактные суждения о действительности. «Восемнадцатое столетие прославляют за то, что оно занималось преимущественно анализом; значит, девятнадцатому веку оно оставило задачу раскрыть ложь господствующих синтетических суждений» [Там же, с. 407]. Так Гете внедряет в самую художественную ткань романа своеобразное подобие научного исследования методом диалектики литературного материала, воспроизводящего реальность. Писатель стремится создать собственные правила для руководства интеллектуальными актами познания в художественном произведении. «Ложь синтетических суждений» применительно к объекту исследования Гете считает следствием попыток судить о предмете при помощи аналогий, тяготеющих к тождественности, слишком точным уподоблениям, вообще стремлением к излишней точности, однозначности. «Каждый существующий предмет есть аналог всего существующего <...>. Если слишком присматриваться к аналогиям, все отождествится со всем; если закрывать на них глаза, все рассыплется в бесконечное множество» [Там же, с. 262].

Сложность в построении наших теорий, высказываний, мнений, суждений о мире объясняется тем, что мы создаем свои мысленные конструкции на шатком основании неполного знания. Ведь «нельзя представить себе возникновение того, что сейчас уже не возникает; а возникшего и сложившегося мы не понимаем» [Там же, с. 268]. Поэтому так трудно в синтетическом суждении связать тезис и антитезис: «В риторическом пылу хватаются за ложь... могут выставить ее как ослепляющий полудовод или кое-как заполнить ею пустоты и мнимо связать разрозненное» [Там же, с. 262].

Именно неправильное применение метода суждений о мире, как считает И.-В. Гете, привело к такому состоянию общественной жизни, когда сам дух времени «грозит современному молодому человеку» [Там же, с. 252]. Гете чувствует

себя призванным как литератор, автор «назидательного романа» быть воспитателем молодежи, учителем нравственной жизни. С этой целью он по-новому осознает роль литературы в обществе, сближает представление о литературе с внетекстовой реальностью, в частности, с «правильными» суждениями об обществе и общественной жизни. Современный исследователь Дирк Беккер, рассуждая об общественных идеях времен создания романа Гете, утверждает: «По меньшей мере со времен Гегеля нет более привычной для теории общества мысли, чем мысль о том, что следует исходить не из тождества, но из различий, чтобы описать, что есть общество, а что оно не есть» [Беккер, 1991, с. 191]. Данное рассуждение Беккера предполагает, что в системе различий неявно присутствует и несформулированное, невысказанное знание о предмете суждения, о том, «что оно не есть». Подобное «неполное» знание указывает в том числе и на идею предсуществования образца, идеальной модели. И.-В. Гете, выстраивая систему различий в романе, исходит из идеальной, фактически невоплощенной модели общества Башни и создает ряд конкретных реальных уподоблений. Писатель стремится «представлять в зримых образах и возможное и невозможное» [Гете, 1979, с. 124]. Возникает парадокс соотношения «невозможного» и «наглядного». По мнению Гете, «нужен особый склад ума, чтобы воспринимать не имеющую образа действительность такой, как она есть» [Там же, с. 267].

Наиболее близка обществу Башни в силу своего идеализированного характера «Педагогическая провинция». Однако этот реализованный проект воспитания совершенного человека преподносится автором двойственно: на уровне частных, подробностей описания практики воспитания – как убедительный и самодостаточный, в концептуальной же своей основе – как лишенный будущности. Ленардо, один из странников, слышавший рассказы о педагогическом обществе, счел его «чем-то вроде Утопии», ему показалось, «что речь идет о выдаваемой за действительность совокупности идей, мыслей, предложений и планов, разумеется, взаимосвязанных, но при обычном ходе вещей едва ли осуществимых в целом» [Там же, с. 124].

Так и в отношении к идее педагогического общества на суд читателя выносятся два противоположных мнения. По законам диалектического рассуждения в подобном случае необходимо сформулировать синтетическое, объединяющее суждение. Но Гете предпочитает не спешить с выводами: «Говорят, что истина лежит между двумя противоположными мнениями. Неверно! Между ними лежит проблема – то, что не очевидно...» [Там же, с. 270].

Что же выступает в качестве требующей разрешения проблемы при обсуждении идеального педагогического общества? Вопрос о театре и – шире – общей человеческой способности к подражанию. Управители педагогической провинции изгнали из своих пределов искусство театра, считая его «низким», профанирующим идею высокой духовности. Таким образом, в педагогической провинции отрицается всякая мысль о признании возможной ошибки, неадекватности идеального и реальной жизни. Фактически в данном случае речь идет об общей проблеме следования образцу, традиции, важной для педагогики, как и для любой другой сферы общественной мысли.

Педагоги Провинции утверждают собственные идеи как изначальный образец, как своего рода непогрешимость. Автор-рассказчик на страницах романа открыто выступает против управителей Провинции в вопросе о подражании и сокрушается, что ему приходится публиковать подобные мнения: «мы знаем, что делаем, но не понимаем, чему подражаем» [Там же, с. 400]. Включаясь от собственного имени в полемику о подражании идеальным образцам, автор-рассказчик сравнивает педагогическое сообщество и сообщество литераторов-рассказчиков и читателей. Тема образца при таком подходе постепенно преобразуется в проблему изначального текста – как текста общественных правил, свода законов; как

текста романа и образующих единое целое романа текстов-самоописаний его героев – их дневников, писем.

В соответствии с идеей о неполноте наших познаний в любой избранной нами области Гете и литературу представляет лишь как фрагмент, по принципу дополнительности сориентированный на условно понимаемую «целостность» вне-текстовой реальности. «Литература есть только фрагмент фрагмента; записывается ничтожная доля того, что произошло и было сказано, сохраняется ничтожная доля записанного» [Гете, 1979, с. 257].

Именно в свете такого понимания литературы описание общества странников в романе, в целом абстрактное, детализируется двумя более коммуникативно определенными ситуациями, хотя они имеют и более фрагментарный характер. Это история странствий Вильгельма Мейстера и рассказ об отшельнической судьбе его наставника Ярно-Монтана. Оба названных эпизода не имеют ни начала, ни конца. Однако, как считает писатель, «и самый частный случай выступает как образ и символ всеобщего» [Там же, с. 264]. По мнению Гете, символично слово, но символично и отдельное высказывание как фрагмент текста. В пределах частного случая – фрагмента текста – формируется система различения понятий как изменяющихся перспектив видения: «Предмет становится постижимым для нас только под углом 45°» [Там же, с. 255]. Как кажется, именно эта возможность взгляда на предмет с другой точки зрения, под другим углом символизирует интеллектуально созерцаемое отношение конкретного случая и общего понятия. В данном контексте символична история странствий Вильгельма Мейстера: она служит своего рода рамочной конструкцией в романе. Этот литературный фрагмент как бы сигнализирует при помощи формального значения о «выделенности» определенного художественного материала. Сформированная темой странствий и наблюдения действительности идея рамы задает условия для акта моделирования конкретных воплощений идеального общества. Различие точек зрения на возможные воплощения идеи изначально предопределяет феномен нетождественности, неидентичности уподоблений, привнесение в текст описания случайного.

И тем не менее Гете настаивает именно на множестве различных перспектив видения предмета. Он по сути дела отрицает идею «всевидающего наблюдателя». Чтобы объяснить свою позицию в доступной для читателей форме, писатель создает в романе «Годы странствий...» наглядный символический образ. Это описание садового домика в поместье дядюшки, в котором было помещено большое зеркало, отражавшее парковый пейзаж. Из этого домика при помощи зеркала можно было наблюдать за теми, кто в парке оказывался в границах отраженного пейзажа, но сами наблюдаемые не могли видеть своих наблюдателей. Так, Гете, стремясь к воздействию на своих читателей, признает, что он одновременно подвержен и их влиянию и поэтому обсуждает детально избранную манеру повествования. Гете уверяет читателей, что он при всей своей непосредственной простоте не какой-нибудь юморист, пересказывающий «с пятого на десятое»; дерзко предоставляющий отыскивать смысл среди недосказанного, и просит «разрешить человеку рассудительному и разумному прибегнуть к странной на первый взгляд методе» [Там же, с. 244]. И тут же как бы намекает, что и ему, автору-рассказчику, не следует безоговорочно доверять. И мыслящий человек может «присочинить» что-нибудь фантастическое и не понимать разницы «между фантастическим и идеальным, между закономерным и гипотетическим» [Там же, с. 415].

Автор, таким образом, инициирует в читателе не только волю к художественному познанию, но и к теоретической рефлексии, подчеркивает условный, смоделированный характер действительности в романе. Коммуникативные отношения между неким условно обозначенным сообществом «литераторов-рассказчиков» и читателями складываются как нормосозидающие в границах построения синтетического суждения, конституирующего смысл.

Ю.М. Лотман в своих «Лекциях по структуральной поэтике» в разделе «Искусство и проблема модели» пишет: «Художник... интуитивно строит модель действительности, которую соотносит потом с объектом... В сфере искусства истина очень часто будет раскрываться как непосредственное созерцание» [Лотман, 1994, с. 56]. При этом исследователь подчеркивает значение интеллектуального созерцания (или интуиции): «Таким образом, интуиция не только связана с опытом, но и не противопоставлена логике» [Лотман, 1996, с. 56]. Логическое суждение на интуитивном уровне формируют акты сопоставления, аналогии и контраста, подчас представленные в редуцированном «снятом» виде, в качестве гипотетической возможности. В романе Гете обращается как к потенциальным читателям к своим критикам – филологам, отдавая дань их профессиональной проницательности: «филолог... добивается, чтобы его внутреннее чутье... научилось все глубже постигать и наглядно представлять связный смысл разбираемого текста» [Гете, 1979, с. 263].

Гете хотелось бы среди своих читателей увидеть как можно больше таких филологически образованных, просвещенных людей, умеющих «правильно» мыслить по законам диалектической триады, созерцательно постигать смысл аналогии и контраста.

Ведь аналогии как уподоблению и частичному подражанию «грозят два ложных пути: подчиниться остроумию и тем уничтожить себя, либо окутаться иносказаниями и притчами» [Там же, с. 263]. В процессе конституирования смысла то и дело обнаруживаются участки смысловой неопределенности, «иносказательности», которые встраиваются в систему различий за счет частичных идентификаций.

При этом все различия (неидентификации), нетождества понимаются исключительно как различия наблюдателя. В роли наблюдателя автор романа выступает на равных правах с главным героем – Вильгельмом Мейстером. Вильгельм – особенный наблюдатель. По законам общества отрекающихся, он вынужден подчиняться запрету оставаться на одном месте дольше трех дней. Таким образом его собственная воля бездействует, он не вправе ставить перед собой какую-либо цель. В связи с этим его личность как бы лишается своего средоточия, его «я» созерцает себя глазами других. Он, по определению своего наставника Ярно, – то Диоген, то некто, подобный библейскому пророку, посох которого расцветает, покрывается молодой листвой. Его принимают также за странствующего педагога.

Вильгельм не создает собственного проекта своей деятельности; за счет значимого социального ограничения в его личности акцентируется момент «внутреннего человека», для которого целеполаганием становится облагораживающая окружающих воспитательно-наставническая роль. При этом Вильгельм, наблюдая внешнее течение жизни, оказывается способен на бессознательном уровне формировать и изменять структуру гипотетического содружества отрекающихся, о котором нам практически ничего не сообщается в романе.

Так наряду с усилением мотива «внутреннего человека» происходит и одновременное «овнешвление» очуждающего характера того «особенного», «недосказанного», о чем мы имеем основания мыслить лишь предположительно, на уровне отдельных суждений и высказываний.

Поэтому в романе «Годы странствий...» постоянно звучит тема превращения внутренних духовных переживаний во внешние, соответствующие лишь по облику, но не по сути. Даже свои наблюдения жизни Вильгельм ведет не непосредственно, а как бы по документальным источникам: письмам, запискам, дневникам персонажей романа. Автор-рассказчик претендует на роль «цензора» и издателя предоставленных в распоряжение Вильгельма материалов. И в то же время рассказчик как бы переводит все эти самоописания, самоистолкования в сферу случая, произвола «отрицательной свободы» благодаря тому, что многое из известно-

го персонажам скрывает от читателя. За счет авторской игры с читателем посредством текстов, содержание которых он раскрывает лишь фрагментарно, возникает смысл существования идеального сообщества как уже «готового» и созданного, «сформированного по правилам», в своей совокупности не полностью известных читателю. Так автор создает представление о гипертексте изъятых, аннулированных рассказчиком из материалов, доступных читателю. И смысл этого интерполированного текста воссоздается в идее целого посредством «субъективного права особенного». В конечном итоге свобода «авторского произвола» в создании гипертекста «избыточного», «слишком назидательного», «неподходящего» противопоставлена коллективная свобода читателей и критиков текста романа. В определенном смысле и сам роман являет собою объединение разрозненных фрагментов. Этими дискурсивными заметками автор-рассказчик утверждает свое право не быть рациональным, отказаться от идеи следования «правильному» рассуждению, диалектическому методу.

Автор в образе рассказчика трансцендирует себя, свое «я» за пределы идеального следования образцу, модели, традиции. Ведь литература как форма условности искажает так или иначе действительность, допускает возможность заблуждения, ошибки, погрешности.

Автор-рассказчик в данном контексте принимает на себя роль «юмориста» или «чудака». Известно, что человек по своим силам в состоянии наблюдать лишь ближайшую очевидность как выделенный фрагмент. При попытке связать истинное с «самым отдаленным... возникает одно заблуждение за другим» [Гете, 1979, с. 263]. Гете осознает, что и он сам исполняет роль «заблуждающегося писателя». В этом смысле знаковой фигурой оказывается для него Лоренс Стерн и его герой. Лоренс Стерн ни в чем «не выставляет себя образцом, но везде указывает и пробуждает» [Там же, с. 421]. В образе своего героя-чудака Тристрама Шенди Л. Стерн обозначил компромиссный путь разрешения противоречий в сфере коммуникации индивида и общества. По мысли Гете, сам Л. Стерн подобен своему герою: «При его легкой ранимости все в нем развивалось изнутри; благодаря непрерывным столкновениям с миром он научился отличать правду от лжи, с первой держался непреклонно, а со второй воевал беспощадно» [Там же, с. 421].

В пределах гетевского видения литературы как «фрагмента фрагментов» именно такой странный, чудаковатый субъект внешнего действия на глубинном, непрерывном внутреннем уровне смысла соотносится с образом нравственного наставничества. А понятийность дискретного семантического плана образа чудака поддерживается и контролируется соответствующей ей символической предметностью эйдетического образа.

И.- В. Гете в своем романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» ставит и пытается разрешить вопрос о противоречии между реальной жизнью во всем многообразии ее связей и отношений и фрагментарным воспроизведением этой жизни в литературе посредством создания модели идеального сообщества.

Литература

Беккер Д. В обществе – об обществе // Социо – логос. Социология. Антропология. Метафизика. М., 1991.

Гете И.-В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1979. Т. 8: Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся.

Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.